

Глава II

Новое восхождение на Тоддабетский пик. – Англия объявляет «Голубые горы» британскою территорией и кладет Нильгири в карман. – «Боги» разжалованы в смертные. – Различные гипотезы о тоддах.

А вы, друзья, как ни садитесь,
Все в музыканты не годитесь¹...

До этой страницы, невзирая на данные, почерпнутые мною из печатных рассказов Киндерзлея и Уиша, наша быль все-таки выглядит сказкой. Не желая быть заподозренною даже в преувеличении, продолжаю описание уже со слов самого правителя куимбатурского, «высокоблагородного» (*High Honourable*) Д.Сэлливана, из напечатанных в тот год его рапортов Ост-Индской Компании. Таким образом, наша быль примет чисто официальный характер. Она не будет уже, как то могло казаться доселе, извлечением из полуфантастического рассказа еле живых, голодных охотников, быть может, в припадке лихорадочного от лишений бреда и не одной ссылкой на сказки суверенных дравидов, а дословным пересказом донесений английского чиновника и изложением его последующих статистических работ касательно Голубых гор. Мистер Д.Сэлливан жил на Нильгири и управлял его пятью племенами долгое время. Память об этом справедливом и добром человеке не исчезнет еще много лет. Она живет доселе на холмах², увековечена выстроенным им Уттакамандом с его прелестным озером и цветущими садами, а его книги, доступные каждому, служат свидетельством и подтверждением всего того, что читатель найдет далее. Интерес нашего рассказа может только возрасти от выписки подлинных слов покойного коллектора Куимбатура.

Проверив во дни нашего личного пребывания на горах точность наблюдений над тоддами и курумбами целого роя чиновников и миссионеров и сравнив их показания и теории с данными из книг мистера Сэлливана и дословных показаний генерала и мистрисс Морган³, ручаюсь за верность сведений. Продолжаю летопись с того дня, как после чудного своего избавления землемеры вернулись в Мадрас.

Слухи о новооткрытой земле и ее жителях, о гостеприимстве и особенно об услуге, оказанной тоддами героям нашей второй главы, приняли под конец в стоустой молве такие размеры, что «отцы» проснулись и принялись, наконец, серьезно за дело.

Послали нарочного из Мадраса в Куимбатур. Теперь на путешествие туда требуется двенадцать часов, а тогда потребовалось двенадцать дней. Пришел приказ «правителю» уезда от главного начальства: «Поручается-де г[осподину] коллектору, мистеру Джону Сэлливану, исследовать и проверить глупые басни о Голубых горах, а затем и донести о них по начальству».

Немедля коллектор снарядил экспедицию: уже не горсть людей, собранную кое-как межевщиками и тотчас же расстроенную, а такую экспедицию, словно он отправлялся с нею в полярные моря. С ним шла целая армия сипаев, несколько десятков боевых слонов, сотни охотничьих читт⁴, собак и пони, а в арьергарде следовали дюжины две опытных охотников-англичан. Везли подарки: тоддам оружие, которого они никогда не употребляют, а курумбам – праздничные тюрбаны, которых те отродясь не надевали. Все было как следует. Везли палатки и инструменты, врачей и лекарства, быков на убиение и туземных арестантов для удобрения земли там, где приходится рисковать жизнью и терять людей, взрывая скалы и проводя дороги. Не везли только одного – туземцев-проводников, опять-таки потому, что все люди этой профессии снова

¹ Строки из басни «Квартет» поэта и баснописца Ивана Андреевича Крылова (1769–1844).

² Сын его, мистер Е.О.Сэлливан, известен всему Мадрасу. Он уже несколько лет служит одним из четырех членов мадрасского генерал-губернаторского совета и живет почти все время на горах в Нильгири. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Речь идет о Генри Эдварде Салливане (1830–1905), сыне Д.Салливана.

³ Елена Генриетта Морган – жена Г.Моргана, член Теософского общества.

⁴ *Читты* – вид гепардов, приученных к охоте за кабанами, медведями и сернами. Они в употреблении в Индии у всех охотников. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

разбежались из деревень. Участь, постигшая двух малабарцев в первой экспедиции, была жива еще в памяти всех. То, что прошло даром «бара саабам», может взыскаться с туземцев, рассуждали запуганные браминами, с одной, а англичанами и их «престижем», с другой стороны, уstraшенные дравиды.

Трое «больших раджей» прислали посольства из Майсура, Вадьяна и Малабара с инструкциями молить коллектора, чтоб он пощадил страну и ее многие народности. «Гнев богов, – говорили они, – иногда бывает сдержан, но когда он разразится, то становится ужасным. Посягательство на священные вершины Тоддабета и Муккертабета должно будет отозваться неслыханными бедствиями для всего края. Семьсот лет тому назад цари Чоллы и Пандии⁵, желая завладеть горами, отправились было с двумя армиями воевать с дивами, но не успели они и перейти за туманы, как были задавлены с обеими армиями и всем обозом обрушившимися на них огромными скалами. В тот день пролилось столько крови, что скалы сделались от нее с тех пор ярко-багровыми на протяжении целых миль, и даже земля стала красною...»⁶

Но коллектор остался непоколебим. Англичанина умолишь всегда бывает трудно. Он не верит в могущество богов; зато все плохо лежащее всегда должно принадлежать ему – по божественному праву.

Итак, в январе 1819 года караван мистера Сэлливана тронулся в путь и стал восходить со стороны Денайгонкотты, то есть оставив «смерть посылающий» водопад в стороне. Вот что затем читала недоумевающая публика в *Мадрасском курьере* от 30 января и 23 февраля в перепечатанных этой газетой донесениях коллектора. Сокращаю и даю *резюме*.

«Имею честь доложить высокопочтеннейшей (*most Honourable*) Ост-Индской Компании и их превосходительствам, гг. директорам, что вследствие приказания, полученного... (такого-то числа и проч.), я отправился (следует повторение вышесказанного)... в горы. Заручиться проводниками я не успел, ибо под предлогом, что эти горы принадлежат их богам, аборигены объявили мне прямо, что предпочитают тюрьму и смерть путешествию за черту “тумана”. Вследствие сего, снарядив отряд из европейцев и наших сипаев, 2 января 1819 года мы стали подыматься из деревни Денайгонкотты, отстоящей от подножья Нильгирийского “пика” на две мили... Для наглядного понятия о климате на этих горах имею честь представить следующие сравнительные таблицы от первого до последнего дня восхождения».

Таблицы показывали, что тогда как со 2 до 15 января по всему Мадрасскому президентству термометр (по Фаренгейту) показывал во все время от 85° до 106° жары⁷, – на Нильгирийских горах, начиная от 1000 фут[ов]⁸ над морскою поверхностью, ртуть стояла всего на 50 градусах⁹, спускаясь затем по мере восхождения и показывая на высоте 8076 футов¹⁰ всего 32° (то есть до 0° по Реомюру) в самые морозные часы ночи.

Забежав на минуту вперед, мы видим, что теперь, когда Нильгирийские холмы покрыты европейскими плантациями, город Уттакаманд имеет до 12000 постоянных жителей и все приведено в порядок и известность, климат этой прелестной страны есть уже сам по себе невиданное и чудесное явление: в 300 милях от Мадраса и в 11 градусах от экватора от января до декабря температура, невзирая на юго-западный и северо-восточный муссон, вращается постоянно между 15 и 18 градусами разницы в продолжение самых холодных, как и самых жарких месяцев в году, от восхода до захода солнечного, в январе, как и в июле, на 1000, как и на 8000 футов высоты. Вот наглядные доказательства этому, взятые из первых наблюдений г. Сэлливана.

Термометр¹¹, января 2 на 1000 футах высоты:

⁵ Chola, Pandyan – древние правящие династии в Южной Индии.

⁶ Действительно, в некоторых местах, особенно в Уттакаманде, не только скалы, но и земля красные, как кровь, но только от присутствия железа и других элементов. Дождь делает из улиц города красно-оранжевые потоки. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁷ 30–41° С.

⁸ 300 м.

⁹ 10° С.

¹⁰ 2462 м.

¹¹ По Фаренгейту. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

«В 6 час[ов] утра – 57°¹²; в 8 – 61°¹³; в 11 – 62°¹⁴; в 2 часа пополудни – 68°¹⁵; в 8 час[ов] вечера – 44°¹⁶».

На 8700¹⁷ футов высоты тот же термометр показывает 15 января:

«В 6 часов утра – 45°¹⁸; в полдень до 2 час[ов] – 48°¹⁹; в 8 часов вечера – 30°²⁰; ночью, в 2 часа, вода слегка замерзла в кувшинах».

И это в январе, заметьте, почти на 9000 футах над морем!

Внизу, в долине, 23 января, термометр стоял уже в 8 часов утра на 85° жары²¹; в полдень – на 99°²²; в 2 часа пополудни – на 108°²³, а в 8 час[ов] вечера – на 97°²⁴; в 2 часа ночи он показывал – 98°²⁵!

Чтобы не затруднять читателя цифрами, заключаю сведения о нильгирийском климате следующей сравнительной таблицей средней температуры между Уттакамандом, ныне столицей Голубых гор, Лондоном, Бомбеем и Мадрасом:

Лондон – 50°²⁶,

Уттакаманд (7300 ф[утов]²⁷) – 57°²⁸,

Бомбей – 81°²⁹,

Мадрас – 85°³⁰.

Каждый хиревший и прощавшийся с печенью в Мадрасе спешил на эти благодетельные горы и почти всегда выздоравливал. В первые два года по основании Уттакаманда, то есть с 1827 до 1829 года, из 3000 постоянно поселившихся там жителей и 1313 приезжих временных гостей умерли только двое. В Уттакаманде год за годом смертность никогда не превышала ¼%, и в *замечаниях* санитарного комитета говорится следующее: «Климат в Нильгири объявлен теперь с достоверностью самым здоровым в Индии. Губительное действие тропического климата не исчезает в нем только в тех случаях, когда у больного невосвратно разрушен один из главных внутренних органов» (*Records of the Medical Board of Madras*³¹).

Говоря о вековом неведении окружающих Нильгири народов об этой чудной местности, мистер Сэлливан рассуждает о нем в своем донесении так:

«Нильгирийские холмы расстилаются между 76° и 77° восточной долготы и 11° и 12° северной широты. С северной стороны они неприступны вследствие почти перпендикулярных скал. На южной стороне, милях в сорока от океана, они покрыты до сей поры неисследованными, ибо непроходимыми лесами; с запада и востока они замкнуты остроконечными утесами и холмами Хунда. Неудивительно, стало быть, что в продолжение многих веков они оставались вполне неизвестными остальному миру, а в Индии были ограждены от вторжения своею необычайною, во многих отношениях, своеобразностью».

¹² 14° С.

¹³ 16° С.

¹⁴ 17° С.

¹⁵ 20° С.

¹⁶ 7° С.

¹⁷ 2650 м.

¹⁸ 7° С.

¹⁹ 9° С.

²⁰ –1° С.

²¹ 30° С.

²² 37° С.

²³ 42° С.

²⁴ 36° С.

²⁵ 37° С.

²⁶ 10° С.

²⁷ 2220 м.

²⁸ 14° С.

²⁹ 27° С.

³⁰ 30° С.

³¹ «Отчеты медицинского совета Мадраса» (англ.).

Взятые вместе эти две цепи, то есть Нильгирийская и Хундская, обнимают географическое пространство в 268494 квадратных мили, покрытое сплошь вулканическими скалами, долинами, ущельями и утесами».

Вследствие всего этого уже на высоте 1000 футов экспедиция мистера Сэлливана увидела себя вынужденною оставить слонов и бросить почти весь багаж, так как приходилось продвигаться все выше и выше, перелезая через скалы посредством веревок и блоков. В первый день погибли три человека, на второй – семь человек арестантов. Сопровождавшие Сэлливана Киндерзлей и Уиш не оказали ему ни малейшей помощи. Дорога, по которой их провели так легко на возвратном пути баддаги, исчезла навеки, как будто следы ее были замечены каким-то волшебством: ее не нашли еще и до сей поры, хотя искали ее долго и тщательно. На все вопросы баддаги притворялись непонимающими. Очевидно, аборигены не имеют намерения выдавать англичанам *всех* своих тайн.

По одолении главного препятствия, то есть отвесных утесов и скал, окружающих Нильгирийскую гору, словно сплошную Китайскую стеной, и после потери человек 15 арестантов да двух сипаев, хотя партии предстояли еще большие затруднения, но она нашла себе скоро и награду. Подымаясь шаг за шагом, то вырубая выемки в скалах для ноги, то опускаясь снова на сотни футов на веревках в глубокие бездны, на шестой день путешествия англичане очутились наконец на довольно ровном месте. Здесь в лице коллектора Великобритании «объявила Голубые горы королевскою территорией». «По водружении на высокой скале английского флага, – игриво замечает мистер Сэлливан, – нильгирийские боги сделались подданными его великобританского величества».

С этого часа экспедиция стала встречать следы человеческого жилья. Она увидела себя в «стране волшебной, величественной красоты»; но через несколько часов «эта картина вдруг чудодейно исчезла: мы снова попали в туман. Незаметно подкравшись, облако окутало нас со всех сторон, хотя мы давно, как думали Уиш и Киндерзлей, перешли за черту “вечного тумана”».

В те годы Мадрасское метеорологическое отделение обсерватории не успело еще решить характера этого странного явления и приписать оное, как теперь, его настоящим причинам³². Поэтому и мистер Сэлливан мог только, удивляясь, констатировать феномен, описав, как он тогда проявился. «В продолжение целого часа, – пишет он, – мы чувствовали себя *осязательно* среди окружающего нас теплого, *мягкого, как пух*, тумана, что доказывали наши насквозь промокшие платья. На расстоянии полушага люди стали друг у друга пропадать на глазах, до того облако было густо; а затем люди, как и части окружающей нас панорамы, начали быстро прыгать пред нами, то появляясь, то снова исчезая в этой мокрой и словно освещенной бенгальским огнем голубоватой атмосфере»...

Местами вследствие затруднительного медленного подъема «пар делался до того невыносимо горяч», что некоторые из европейцев «чуть было не задохлись».

К сожалению, ни натуралисты, ни физики высокопочтенной Компании, сопровождавшие мистера Сэлливана, не могли или не успели исследовать этого явления. Не далее как через год после того было уже поздно изучать его: как только большая часть утесов, которые когда-то опоясывали «холмы», стали исчезать один за другим, взрывающиеся для прокладки дорог в Нильгири, исчезло бесследно и самое явление³³. Пропал голубой пояс Нильгири. Теперь туман является гораздо реже и только во время муссунов. Зато самые горы сделались еще синее издали, еще более ярко, лазоревого цвета...

³² Во время муссуновых дождей, особенно юго-западного муссуна, атмосфера постоянно более или менее наполнена густыми испарениями. Туман, формируясь сперва на вершинах, по мере того как жара дня уступает вечерней сырости и пары опускаются ниже, расстилается по всем скалам подножия. К этому следует прибавить постоянные болотные испарения из лесов, где древесная чаща сохраняет почву влажною круглый год и где болота и пруды никогда не высыхают, как то бывает в долинах. Вследствие этого Нильгирийские горы, опоясанные рядом выступающих вперед утесов с далеко нависшими скалами, удерживают большую часть года пары, которые затем и превращаются в туман. За чертой их атмосфера в горах всегда чрезвычайно чиста и прозрачна: туманы бывают видны только снизу и с больших высот их и не видно. Но все-таки мадрасские ученые не могут решить до сей поры проблему необычайно яркого голубого цвета как туманов, так и самих гор. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

³³ А дорога до сих пор, то есть конная, только одна Силурская из Метополлама; все другие опасны и по ним могут проходить только пешие и привычные кули да их маленькие пони. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Первые донесения коллектора полны хвалений и удивления природному богатству и изобилию этой чудной страны. «Где только мы ни проходили, почва оказывалась всюду превосходною. Мы узнали от баддаг[ов], что она дает по два урожая в год пшеницы, ячменя, гороха, опиума и других разных злаков. Невзирая на мороз январских ночей, мы нашли мак в полном цвету. По-видимому, мороз не оказывает в этом климате никакого действия на растительность... Во всех долинах и ущельях мы находили превосходную воду. На каждой четверти мили непременно встречался горный ручей, который нам приходилось часто с опасностью переходить вброд. Многие из источников сильно пропитаны железом, температура некоторых превышала намного температуру воздуха... Куры и домашняя птица, найденная у оседлых баддаг[ов], вдвое больше самых крупных пород той же птицы в Англии; а наши охотники нашли, что нильгирийская дичь, особенно фазаны, куропатки и зайцы – последние совершенно *красного* цвета – тоже гораздо крупнее этой дичи в Европе. Волки и шакалы встречались нам целыми стаями... Также попадались тигры, очевидно еще не знакомые с ружьем, и несколько пар слонов. Последние, посмотрев на нашу компанию, отвергивались довольно равнодушно и уходили в лес, не торопясь и как бы в полном неведении о возможной опасности... Южная сторона гор, покрытая на 5000 футов³⁴ своей высоты тропическими, вполне девственными лесами, изобилует слонами особенного, почти черного цвета и величиной выше цейлонских слонов. Змей много и весьма красивых; в местностях, превышающих 3000 футов³⁵, они совсем безвредны (как это теперь доказано). Обезьян тоже несчетное число и на всех высотах».

Да будет замечено к слову, что англичане безжалостно с тех пор их истребляют³⁶. Бедные наши горемычные «прародители»! И каких только нет в Нильгири обезьян: от больших черных с серыми пушистыми капюшонами «лангуров», *Presbytis jubatus*, до «льва-обезьяны», *Jnuus eilenus*. Лангуры живут на вершинах самых высоких скал в глубоких трещинах отдельными семействами как настоящие «пещерные первобытные люди». Красота их меха служит предлогом к жестокому избиению европейцами этого кроткого и чрезвычайно умного животного. «Львы-обезьяны» счастливее. Они избегли такой горькой участи, выбрав себе местом жилья такие трущобы, куда еще не заходила нога человека. «Льва-обезьяну» можно встретить только на опушке леса на южной стороне Голубых гор, куда они выходят иногда погреться на солнце. Завидя человека, они тотчас же спасаются в непроходимые чащи малабарских лесов. Голова у этой обезьяны совершенно львиная с бело-желтою гривой и пучком таких же волос на кончике хвоста, откуда и название их.

В этом описании флоры и фауны «холмов» я, конечно, придерживаюсь не одних показаний и исследований Сэлливана во время его первого восхождения. В те дни он знал еще очень мало и описывал лишь то, что встречал по дороге; вследствие чего я и дополняю его показания позднейшими открытиями.

Наконец, они напали на след настоящих обитателей и владельцев Нильгирийских гор, тоддов и курумбов. Чтобы не возвращаться опять к предмету, скажем тотчас же, что тогда как, по позднейшим сведениям, баддаги, живущие с тоддами уже около семисот лет, являлись иногда им одним известными дорогами в полянах Куимбатура, где живут их сродники, другие баддаги, – тодды и курумбы оставались совершенно неизвестны туземцам. Они и теперь, когда давно уже установилось правильное и ежедневное сообщение между Уттакамандом и Мадрасом, никогда не сходят со своих гор. Долго не знали, чему приписать такое неестественное молчание баддаг[ов] о существовании двух живущих вместе рас. Теперь решили и, как кажется, весьма справедливо, что тайна объясняется лишь одним: суеверием, начало и причина которого, впрочем, все еще остаются европейцу необъяснимыми, а для каждого туземца весьма понятны. Не говорили баддаги о тоддах потому, что для них тодды – боги, неземные существа, которых они боготворят, а произносить имена своих *фамильных*, раз избранных божеств³⁷ считается у индусов за величайшее им

³⁴ 1520 м.

³⁵ 910 м.

³⁶ Туземный шикари, если он не магометанин, ни за что не убьет обезьяны; она для него священна всюду в Индии. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

³⁷ Каждое семейство индусов, хотя и принадлежащее к одной секте и одной касте с прочими, выбирает себе свое особенное, именно *фамильное* божество из 33 миллионов национального пантеона: и об этом божестве, хотя оно

оскорбление, за кощунство, на которое не решится ни один туземец, даже под угрозой смерти. А курумбов они ненавидят, страшась их столько же, сколько обожают тоддов. Одно уже хотя бы тихо произнесенное имя «курумбы» навлекает, по их мнению, несчастье на того, кто его произносит.

Поднявшись на высоту 7000 футов³⁸ и выйдя на волнообразную широкую поляну, партия изыскателей нашла группу зданий у подножья скалы, которые Киндерзлей и Уиш тотчас же признали за уже виденные ими дома тоддов. Каменные домики без окон и дверей с их пирамидальными крышами были им слишком памятны, чтоб они могли их забыть. Заглянув в единственное отверстие, служащее в таких домах вместе окном и дверью, они нашли жилища пустыми, хотя, видимо, обитаемыми. Далее, мили за две от этой первой «деревни», они увидели:

«...Картину, достойную кисти художника и перед которою мы остановились в неопишемом изумлении, а сопровождавшие нас сипаи-туземцы – в великом и суеверном страхе, – докладывает коллектор. – Пред нашими глазами открывалась сцена из быта древних патриархов. На разных пунктах пространной, обрамленной кругом высокими утесами долины паслось несколько стад огромных буйволов с колокольчиками и серебрянными бубенчиками на рогах... А далее группа длинноволосых с седыми бородами, почтенного вида старцев, укутанных в белые мантии»...

То были, как они узнали позднее, старшины поджидавших их тоддов и священные буйволы *то-уэля* (ограды храма) этого племени. Вокруг них полулежали, сидели, ходили и стояли «в позах, живописнее коих ничего нельзя себе вообразить», человек семьдесят или восемьдесят мужчин³⁹ с непокрытыми головами. При одном взгляде на таких «красивых, рослых Голиафов» первая мелькнувшая в голове почтенного англичанина и патриота мысль была о возможности «сформировать особенный полк из этих молодцев и, послав в Лондон, подарить его королю!...». Позже он сам увидел непрактичность такой мысли; но в первые дни тодды поразили его и «совершенно заполонили своею замечательною, совсем не индийского типа красотой». Шагах в двухстах от мужчин сидели их женщины с длинными, гладко причесанными и распущенными по спине волосами и в таких же мантиях. Он насчитал их около пятнадцати и с ними с полдюжины ребятишек, совершенно нагих, невзирая на январский холод.

В другом описании гор⁴⁰ товарищ Сэлливана, полковник Хеннесей, распространяется на десяти страницах о разнице между тоддами и другими индусами, с которыми в неведении их языка и обрядов долго их смешивали.

«Как англичанин разнится от китайца, так тодд отличен во всем от других туземцев, – пишет он. – Теперь, когда я узнал их лучше, мне становится почти понятным, почему баддаги, сродников коих мы знавали и прежде в горах Майсура, взирают на этих людей как на высшую, почти божественную расу... Тодды положительно похожи на богов, как их представляли древние греки. Из нескольких сот молодцов (*fine men*) этого племени я еще не видал ни одного ниже 6¼ футов⁴¹ роста. Они сложены великолепно, и черты лица у них чисто классические... Прибавьте черные, блестящие, густые волосы, обрезанные (в кружок), низко на лбу, над бровями, а за ушами падающие на спину тяжелыми массами кудрей, и вы получите некоторое представление об их красоте. Усы и бороды их, которые они никогда не стригут, такого же цвета. Большие, карие, иногда темно-серые и даже синие глаза смотрят на вас глубоким, нежным, почти женским взглядом... Улыбка кроткая и веселая, как бы младенческая в своем выражении. Рот, даже у дряхлых стариков, украшен крепкими, белыми, часто великолепными зубами. Цвет лица светлее северных канарезцев. Одеваются они все одинаково: род римской белой тоги из полотна с одним концом, закинутым сперва под правую руку, а затем назад, за левое плечо. В руках посох с фантастическими на нем вырезками... Когда я узнал его мистическое назначение и веру владельцев в его магическую силу, этот маленький, в два с половиной фута⁴² длины бамбук

всем бывает известно, члены семьи никогда не упоминают, считая каждое произнесенное о нем слово *профанацией*. – Примечание Е.П.Блаватской.

³⁸ 2130 м.

³⁹ мужчин (*устар.*).

⁴⁰ *The Tribes of the Nilgerry Hills* <<Племена на холмах Нилгири>. – Примечание Е.П.Блаватской.

⁴¹ 1,91 м.

⁴² 0,76 м.

смущал меня не раз... Но я не смею, *не имею права*, выдав неоднократно *то, что я видел*, отрицать справедливость такого их заявления и веры. Несмотря на то, что в глазах христианина вера в магию должна всегда казаться греховною, не чувствую за собою права опровергать и смеяться над тем, что считаю, невзирая на отвращение, истинным фактом»⁴³.

Поселение тода
Фотография из книги:
Маршалл У.Э. Странствия среди тодов,
или изучение первобытного племени в Южной Индии. Лондон, 1873

Но не станем забегать вперед. Эти слова написаны много лет назад. Как Сэлливан, так и Хеннесей видели тогда тоддов впервые и упоминали о них официально. Но даже в этом чиновничьем изложении фактов звучит недоумение, проглядывает то же сдержанное удивление и любопытство касательно этого таинственного племени, как и у всех других.

«Кто они такие?.. – рассуждает Сэлливан в донесении. – Хотя они видели белых людей во второй уже раз, но все-таки их величавое спокойствие и горделивая осанка смуглили меня, так мало они походили на то, что мы привыкли видеть в подобострастных манерах туземцев Индии. Они как будто поджидали нашего прихода. Отделясь от толпы, высокий старик пошел нам навстречу, а за ним шли двое других, неся в руках чаши из древесной коры, наполненные молоком. Подойдя на несколько шагов, они остановились и заговорили с нами на совершенно незнакомом нам языке. Видя, что мы не поняли ни одного слова, они тотчас же переменили его на малоялимский, а потом на канарез[с]кий язык (на котором говорят баддаги), после чего мы разговорились свободнее.

Для этих странных аборигенов мы были людьми как бы с другой планеты. “Вы не из наших гор. Наше солнце – не ваше солнце, и наши буйволы вам неизвестны”, – говорили мне старики. – “Вы родитесь, *как рождаются баддаги*, а не мы” (!?), – заметил другой, несказанно удивив меня этим. Из их слов нам делалось ясно, что для них мы были обитателями земли, о которой они кое-что знали, хотя до сей поры никогда не видали ни ее самой, ни ее жителей, но что самих себя они считали совсем особенною породой».

Когда они все уселись на густой траве возле стариков, а прочие тодды стояли в отдалении, англичанам было объявлено, что их ожидали уже несколько дней. Баддаги, служившие до того времени тоддам единственным звеном сообщения между ими и остальным миром, то есть Индией, успели уже их предупредить, что белые раджи, проведая от двух спасенных ими охотников об «обитатели буйволов», идут к ним в горы. Они тогда же сообщили мистеру Сэлливану, что у них много уже поколений существовало пророчество о том, что к ним придут люди из-за морей и поселятся у них, как до того поселились баддаги. Что им придется уступить часть владений и «жить с ними как братьям одной семьей». «Такова воля их, – добавил один из старцев, указывая на буйволов, – они лучше знают, что для их детей хорошо, а что дурно».

⁴³ Id. Стр. 272. – Примечание Е.П.Блаватской.

На это мистер Сэлливан замечает: «В то время мы не поняли этой загадочной фразы о буйволах, и только впоследствии узнали ее смысл. А смысл хотя и странный, но далеко не новый нам – в Индии, где на корову взирают как на существо священное и неприкосновенное».

В тоддах, невзирая на их собственные предания, которых они упорно держатся, английские этнологи желали бы признать остатки «некоего гордого племени», ни имя, ни другие приметы коего им, впрочем, неизвестны. На таком твердом основании они строят свою гипотезу, которая состоит в том, что это *гордое* племя, *вероятно*, занимало некогда (а именно когда – неизвестно) надречные низменности Деккана; пасло свои священные стада буйволов (которые, между прочим, никогда не считались священными в Индии) задолго до эпохи, в которую их последующие соперницы, коровы, монополизировали⁴⁴ народное благоговение. Затем предполагается, что то же *гордое* племя «свирепо отражало и задерживало вторжение приходивших постоянно из-за северных гор (то есть Гиммалай) арийских племен», или макс-мюллеровских⁴⁵ браманов «с Оксуса⁴⁶».

Эта милая и на первый взгляд правдоподобная гипотеза опять-таки разлетается в куски пред известным фактом, что тодды, хотя и действительно «гордое племя», но не только сами никакого оружия не носят, а даже не сохранили о нем ни малейшего воспоминания. А если, как сказано, они не держат при себе ни ножа в защиту от диких зверей, ни даже собаки для ночной охраны, то, видно, у них есть другие способы к отражению врага, кроме *вооруженной* силы⁴⁷.

По мнению мистера Сэлливана, тодды совершенно законно предъявляют права на Голубые горы как на свою вековую собственность. Они заявляют, а проживающие возле них столетиями соседи подтверждают это право давности собственным сознанием. Они показывают единодушно, что тодды владели уже горами, когда пришли самые ранние поселенцы других племен, именно, муллу-курумбы, за ними баддаги и за баддагами хотты и эруллары. Что все эти племена просили и получали от тоддов, которые прежде жили одни, позволение селиться на горах. За это дозволение все четыре племени всегда платили тоддам дань не деньгами, потому что до прихода англичан деньги были неизвестны на горах, но натурой; несколько горстей зерен с каждого обрабатываемого поля от баддаг[ов]; несколько штук железных изделий, необходимых для постройки домов и домашнего обихода, от хоттов; коренья, ягоды и плоды от курумб[ов], и т.д.

Все эти пять рас во всем весьма резко отличаются одна от другой, как мы это тотчас увидим ниже. Их языки, религии, обычаи, так же как и типы, не имеют ничего общего. По всем вероятностям, все эти племена – последние остатки доисторических рас аборигенов Южной Индии; но если кое-что и было узнано о баддагах, хоттах, курумбах и эрулларах, то на тоддах история завязла, как на мели. Судя по древним могилам на «холме» да некоторым развалинам храмов и капищ, не только тодды, но и курумбы должно быть достигли в доисторические времена некоторой цивилизации: у тоддов есть положительно нечто вроде письмен, какие-то знаки вроде гвоздеобразных записей у древних персов.

Но чем бы тодды ни были в далеком прошлом, теперь они совсем патриархальный народ, вся жизнь коего сосредоточена на его священных буйволах.

Из этого многие писавшие о тоддах заключили, что они поклоняются буйволам как богам, то есть проповедуют зоолатрию. Но это не так. Сколько нам известно, их религия имеет характер гораздо более возвышенный, нежели простое и грубое поклонение животным.

Второе и последующие донесения мистера Сэлливана еще интереснее. Но так как я привожу слова почтенного английского чиновника только ради подтверждения собственных наблюдений и показаний, то здесь не место повторять эти донесения. Позволяю себе только представить еще несколько дополнительных статистических замечаний как его самого, так и других чиновников о пяти племенах Нильгири.

⁴⁴ монополизировали (*англ.* monopolize).

⁴⁵ Фридрих Максимилиан Мюллер (1823–1900) – немецкий и английский филолог, специалист по общему языкознанию, индологии, мифологии.

⁴⁶ Оксус – древнее название реки Амударья.

⁴⁷ Id. См. главу IV. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Вот сжатое показание из статистического сочинения о них полковника Торнтона⁴⁸.

«1) Первыми на скатах гор за чертой водопада встречаются *эруллары*. Они живут в настоящих земляных норах и питаются кореньями». Теперь, с приходом англичан, они стали менее дики. Они живут группами от трех до четырех семейств, и их насчитывают около тысячи душ.

«2) Над ними живут *курумбы*. Эти разделяются на две ветви: а) просто курумбы, живущие в землянках, которые образуют деревушки, и б) муллу-курумбы, отвратительного вида и необычайно малого роста люди, которые живут в настоящих гнездах на деревьях и похожи более на больших обезьян, нежели на человеческие существа».

Примечание. Хотя и в других городах Индии есть племена, схожие в общих чертах и даже носящие то же название, но они резко отличаются во всем от этих двух племен, особенно от курумбов, страшилищ и злых гениев, избегаемых всеми другими племенами, кроме тоддов, царей и властителей на Голубых горах.

Как хорошо известно, *курумбан* – тамильское слово, означающее «карлик»; но в то время как курумбы низменностей – просто очень маленькие аборигены, нильгирийские курумбы часто не превышают трех футов⁴⁹ ростом. Оба эти племени не имеют и понятия о необходимых и самых элементарных потребностях жизни и почти не вышли из состояния самых грубых дикарей, *выказывая признаки самой первобытной расы человечества*. Они говорят на языке, более напоминающем щебетание птиц и горловые звуки обезьян, нежели людской говор, хотя у них изредка и встречаются слова из многих древних диалектов дравидской Индии. Численность эрулларов и курумб[ов] не превышает тысячи в каждом племени.

«3) *Кохтары*. Еще более странная раса. Они не имеют понятия о различии каст и отличаются столько же от других горных племен, как и от туземцев Индии. Столь же дикие и первобытные, как эруллары и курумбы, живя, как кроты, в земляных норах и на деревьях, они – странное дело – оказываются превосходными золотых и серебряных дел мастерами, кузнецами и горшечниками». Они обладают секретом выделки стали и железа; их ножи, как и другое оружие, упругостью, отточкой и своею почти несокрушимою крепостью превосходят все когда-либо фабрикованное в Азии или в Европе. Кохтар не употребляет другого, кроме остро отточенного с обеих сторон, длинного, как вертел, оружия. Но с ним он идет и на кабана, и на тигра, и даже на слона, и всегда берет верх над зверем⁵⁰. Кохты не выдают своей тайны ни за какие деньги. Ни одно из племен в горах не занимается таким мастерством. Где они могли познакомиться с ним – это еще одна из загадок для наших этнологов. Религия их не имеет ничего общего с религиями других аборигенов. Кохты не имеют понятия о богах браминов и поклоняются каким-то фантастическим божествам, которые у них не изображаются. Число кохт, насколько мы могли привести в известность, не превышает 2500.

«4) *Баддаги* или “бюргеры”. Самое многочисленное, богатое и цивилизованное из всех пяти горных племен Нильгири. Они браминисты и разделяются на несколько кланов. Их около 10000 и почти все они занимаются земледелием. Баддаги почему-то поклоняются и оказывают божественные почести тоддам; последние стоят для баддаг[ов] несравненно выше их бога Шивы.

5) *Тодды*, называемые также тоддуварями. Эти разделяются на два большие класса. Первый из них, класс священнодействующих, известен под названием *тералли*; принадлежащие к нему тодды посвящены служению буйволам, приговорены к вечному безбрачию и совершают какие-то

⁴⁸ Эдвард Торнтон (1799–1875) – сотрудник Ост-Индской компании (1814–1857), глава статистического департамента (1846–1857) и морского министерства (1847–1857), пионер в сборе и публикации статистических сведений, касающихся Индии; автор трудов «The History of the British Empire in India» («История Британской империи в Индии», в 6 т.), «A Gazetteer of the Territories Under the Government of the East-India Company, and of the Native States on the Continent of India» («Географический справочник территорий под управлением Ост-Индской компании и местных государств индийского континента») и др.

⁴⁹ 0,91 м.

⁵⁰ Теперь, когда уже давно узнали, что кохты обладают таким секретом, все стараются заказывать у них ножи и дают оттачивать оружие. Простой с грубым клинком нож, сделанный кохтом, оплачивается в несколько раз дороже самого лучшего шеффилдского ножа. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Шеффилд – город в Англии, в течение XIX века получил международную известность своим сталелитейным производством, в том числе нержавеющей стали.

непонятные обряды, которые они весьма тщательно скрывают от европейцев и даже от всех не принадлежащих к их племени туземцев. Второй класс, *кутты*, простые смертные»⁵¹. Насколько нам известно, первые составляют аристократию племени. В этом небольшом племени мы насчитали 700 человек, и, судя по их показанию, их численность никогда не превышала этой цифры.

Дабы показать, что сюжет этой были вполне достоин внимания, добавим к показанию мистера Сэлливана мнение авторов книги, изданной в 1853 году по приказанию Ост-Индской Компании. *The States in India*⁵², статья о Нильгири. Там говорится о тоддах следующее:

«Это крошечное племя привлекло за последние годы весьма восторженное и серьезное внимание не только посетителей Нильгири, но и лондонских этнологов. Интерес, возбуждаемый тоддами, очень замечателен. Они заслужили необыкновенные (*in no ordinary degree*) симпатии мадрасских властей. Этим дикарей описывают как великолепно сложенную атлетическую расу великанов, найденных самым неожиданным образом в недрах Гхаты. Манеры их полны грации и достоинства, а наружность можно характеризовать так...»

За этим следует уже известное описание наружности тоддов. Параграф о тоддах кончается фактом, на который я нарочно назираю ввиду его многозначительности и прямого отношения к разъяснению событий, коих мы были очевидцами, и опять-таки сознанием полного неведения их истории и происхождения.

«Тодды не употребляют никакого оружия, *кроме короткой тросточки из бамбука, которая никогда не покидает их правой руки*. Старания многих лет узнать что-нибудь об их прошлом, о языке и религии остались вполне безуспешными. Это самое *таинственное племя из всех народов Индии*» (стр. 692)⁵³.

Мистер Сэлливан оказался весьма скоро *вполне поработанным* «нильгирийскими Адонисами»⁵⁴, как их прозвали ранние поселенцы и плантаторы на Голубых горах. То был первый, быть может, единственный в Англо-Индии пример, чтоб английский чиновник, *бара сааб* высшей расы, так открыто *братался*, вступал бы в такие интимные, дружеские сношения с подвластными ему аборигенами, как то делал куимбатурский коллектор. В награду за подарок Компании еще лишнего куска территории в Индии его тотчас же повысили в чин «главноуправляющего» Голубыми горами. Там мистер Сэлливан прожил около тридцати лет, там он и умер⁵⁵.

Что же его привлекало к этим людям? Что могло быть на самом деле общего между цивилизованным европейцем и совершенно примитивными людьми, как тодды? На этот вопрос, как и на многие другие, нам никто еще не мог ответить. Не потому ли, что все неизвестное, таинственное привлекает нас как пустое пространство и, производя головокружение, притягивает к себе, подобно бездне? С практической точки зрения, конечно, тодды не более как дикари, совершенно незнакомые с первыми основными правилами цивилизации, и даже на вид, невзирая на их физическую красоту, довольно грязные. Но дело не в наружной их оболочке, а во внутреннем, духовном мире этого народа. Во-первых, тодды *совершенно незнакомы* с ложью. На их языке не имеется даже таких слов, как «неправда» или «ложь». Воровство или даже простое присваивание не принадлежащего им – также им неизвестны. Достаточно прочесть то, что о них говорит капитан Гаркнесс в книге своей, озаглавленной *A Strange Aboriginal Race* («Странное племя аборигенов»), дабы убедиться в том, что такие редкие качества не суть продукт единственно нашей цивилизации. Вот что пишет о них этот известный путешественник⁵⁶:

⁵¹ См.: *Thornton E. A Gazetteer of the Territories Under the Government of the East-India Company. London, 1857. P. 692.*

⁵² «Государства в Индии» (*англ.*).

⁵³ См.: *Thornton E. A Gazetteer of the Territories Under the Government of the East-India Company. London, 1857. P. 692.*

⁵⁴ Адонис – древнегреческий бог красоты и желанья, весеннее божество возрождающейся природы, ежегодно умирающий и воскресающий.

⁵⁵ Д. Сэлливан в 1841 году вышел на пенсию и уехал в Англию, где и умер.

⁵⁶ *A strange Aboriginal Race, by Captain Harkness, стр. 37.*

«...Прожив около двенадцати лет в Уттакаманде, говорю положительно, что никогда не встречал народа как в цивилизованных, так и в первобытных странах, который выказывал бы такое религиозное уважение к праву *meum et tuum*⁵⁷, как тодды. Они внушают это чувство детям с самого нежного возраста. Мы (англичане) не нашли между ними ни одного вора! Обман и ложь им неизвестны, кажутся невозможными»... (стр. 18 до 36)... А далее: «Как и у туземцев низменной страны Южной Индии, ложь во мнении этого племени самый подлый, непростительный порок. Фактическим доказательством этому врожденному в них чувству является на высоте Тоддабетского пика их *единственный* храм: он посвящен ими отрешенному божеству, *Истине* (*Temple of Truth*). Тогда как среди жителей долин как самый символ, так и самое божество слишком часто забываются, тодды поклоняются обоим, питая к идее и символу, в теории, как и на практике, самое искреннее ненарушимое чувство уважения»... (стр. 31). Вот именно такая нравственная чистота тоддов и их редкие душевные качества привлекли к себе не только мистера Сэлливана, но и многих миссионеров. Надо принять во внимание значение такой похвалы в устах людей, не привыкших отзываться с особенною похвалой о тех, на кого сами они не производят никакого впечатления⁵⁸. А на тоддов прибытие миссионеров, да и вообще англичан, с первого до последнего дня произвело не более впечатления, как если бы вместо живых людей эти дикари были каменными статуями. Мы знавали миссионеров и даже одного епископа, которые не утрашили ставить нравственность тоддов в пример своей «высокорожденной» пастве публично в церквах по воскресеньям.

Но в них действительно есть нечто еще более привлекательное, если не для публики вообще и статистиков в частности, то для тех, которые посвятили себя всецело изучению более отвлеченной стороны человеческой природы: именно таинственность, чувствуемая всеми в соприкосновении с тоддами, и та психическая сила, о которой было упомянуто в первой главе. Об обеих мы имеем сказать многое.

Коллектор, проведя в горах дней десять, вернулся в Куимбатур, а оттуда отправился в Мадрас, дабы отдать лично полный отчет главной конторе Компании о своем путешествии на Голубые горы. Исполнив эту обязанность, Сэлливан вернулся немедленно в привлекающие его горы и к сильно уже интересовавшим его тоддам. Там он первый построил себе европейский дом, *каждый камень которого был ему принесен тоддами*.

«Откуда они доставали эти большие, хорошо обтесанные камни, так и осталось до сей поры загадкой», – рассказывал генерал Морган.

С первого дня коллектор сделался другом-покровителем и защитником тоддов, и в продолжение тридцати лет он стоял за них горой, ограждая их самих и их интересы от алчности и несправедливых захватов Ост-Индской Компании. Он не говорил о них в официальных бумагах иначе, как о «законных владельцах почвы» (*the legal lords of the soil*) и заставил «почтенных отцов» считаться с тоддами. В продолжение многих лет Компания платила им аренду за уступленные ими леса и поляны. Все время, пока мистер Сэлливан был жив, никому не позволялось обижать и делать захватов на землях, которые тодды заранее указали англичанам, как на свои священные пастбища, оговорив их в контрактах.

Эффект донесения мистера Сэлливана в Мадрасе был громадный. Все, что только жаловалось на климат, все, что страдало печенью, лихорадкой и другими болезнями, так щедро расточаемыми европейцам тропиками, да имело средства на переезд, – все это бросилось по направлению к Куимбатуру. Из несчастной деревушки Куимбатур сделался в несколько лет уездным городом. Установилось тотчас регулярное сообщение между Метополламом, у подошвы Нильгири, и Уттакамандом⁵⁹, городком, основанным в 1822 году на высоте 7500 футов⁶⁰. Вскоре

Речь идет о книге: *Harkness H. A Description of a Singular Aboriginal Race Inhabiting the Summit of the Neilgherry Hills or Blue Mountains. London, 1832* <Харкнесс Г. Описание странного племени аборигенов, обитающего на вершине холмов Нилгири или Голубых гор. Лондон, 1832>.

⁵⁷ моя собственность и твоя собственность; моё и твоё (англ.).

⁵⁸ До сих пор, то есть до 1883 года, невзирая на все усилия миссий, не было ни одного примера обращения тодды в христианство. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

⁵⁹ Для сокращения его все называют «Утти». Так будем и мы говорить о нем. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

⁶⁰ 2280 м.

стала переезжать туда с марта до ноября вся мадрасская бюрократия. Вилла за виллою, дома за домами стали вырастать на цветущих скатах гор, как грибы после весеннего дождика. По смерти мистера Сэлливана плантаторы завладели почти всею местностью между Котхагири⁶¹ и Утти. Пользуясь тем, что «владельцы гор» выговорили себе самые высокие места на Нильгири для пастбищ «священных» буйволов, англичане присвоили себе девять десятых Голубых гор. Миссионеры воспользовались случаем, чтоб осмеять туземцев и их суеверие в богов и горных гениев. Все оказалось напрасным. Баддаги продолжали держаться своих особенных взглядов на тоддов, хотя скоро тем пришлось довольствоваться голыми верхушками скал, которые они теперь разделяют с лангурами. «Отцы» Компании, а после их и правительственные бюрократы, хотя и продолжали на бумаге величать тоддов «законными властелинами почвы», на деле же и под шумок стали заявлять себя, как и всегда, «лордами над баронами»⁶².

На курумбов пока не обращали внимания. С первого появления англичан курумбы, словно они были действительно тем, чем казались, отвратительного вида гномами, точно исчезли под землей. О них не слыхали и их не видели в первые годы по открытии. Потом они стали малопомалу показываться и селиться в болотах и под сырыми нависшими скалами. Однако вскоре они дали о себе знать... Каким образом, это будет рассказано в дальнейших главах; теперь же займемся сперва тоддами и баддагами.

Когда стали приводить в известность и порядок новое *хозяйство* и собирать сведения для статистики новых племен, почтенные этнологи нашли отпор, какого никогда не ожидали. Им встретились по вопросу о происхождении тоддов непреодолимые затруднения и пришлось почти впервые сознаться, что после двадцатилетних усилий узнать что-либо о них верное так же невозможно, как и причислить их к какому-либо из других племен Индии. «Легче проникнуть на Северный полюс, нежели в душу тодда», – пишет миссионер Метц. На что полковник Хенессей отвечает: «Единственное сведение, которого мы могли после стольких лет добиться, состоит в следующем: тодды утверждают, что с тех самых пор, как “царь Востока” (?) даровал им эти горы, они живут на них и ни разу не отлучались и даже не сходили с вершин... Но к какому именно периоду мы должны причислить эпоху этого неизвестного *царя* Востока? Нам отвечают, что они живут на Голубых горах вот уже *сто девяносто седьмое поколение!* Считая по три поколения на каждое столетие (хотя мы видим, что тодды замечательно долговечны), окажется, если верить им, что они поселились здесь около 7000 лет тому назад. Они настаивают, что их праотцы пришли на остров Ланку (в этом, как и в прочих именах ошибки нет, это очевидно) с Востока, со “стороны восходящего солнца”, и служили *праотцам царя Раваны*⁶³, мифического царя-демона, побежденного не менее мифическим Рамой около двадцати пяти поколений тому назад; значит, считая по принятому исчислению, около 1000 лет, что, если прибавить эту цифру к первой, составляет им родословную более 8000 лет! Оказывается, что мы или должны принять эту сказку, или же откровенно сознаться, что кроме этих не имеется никаких следов об их загадочном прошлом!..»⁶⁴

Так кто же такие, наконец, эти люди?

Задача, конечно, трудная, если вспомнить, что этот вопрос не подвинулся ни на шаг вперед с 1822 года. До сего дня старания многих наезжающих из Лондона и Парижа в разные времена филологов, этнологов, антропологов и всяких других «логов», не увенчались ни малейшим успехом. Напротив, чем более о них старались разузнавать, тем менее получаемые сведения оказывались подходящими к прямому вопросу. Все приобретенное сводилось под один и тот же итог: тодды не принадлежат к обыкновенному человечеству. Они рождаются и умирают только *для виду*; их миссия на земле охранять их верных слуг баддагов от козней муллу-курумбов и т.д.

⁶¹ Котагери (англ. Kotagiri).

⁶² Так называют англичан в Раджистане, где они официально именуют такуров и раджей «баронами» – *the feudal barons of Rajistan* <феодалные бароны Раджастхана, англ. Rajasthan>, а сами при каждом удобном случае напоминают им, что они только их *вассалы*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁶³ Равана – правнук Брахмы, внук великого Пуластыи, сын Вишравов, повелитель ракшасов и мифический владыка острова Ланка, персонаж эпоса «Рамаяна», антагонист главного героя – Рамы.

⁶⁴ *The N[e]lgherry Toddas.* – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Понятно, что такие данные не могли находить себе места в «истории народов Индии». За недостатком более верных сведений гг. ученые утешились гипотезами собственного изобретения. Вот некоторые из них.

Первым теоретиком является натуралист Лешено-де-ла-Тур (*Leschenault de la Tour*)⁶⁵, ботаник короля французского. Его письма по этому вопросу чрезвычайно интересны своею оригинальностью⁶⁶. Почтенный ученый вследствие каких-то ему одному свойственных соображений признал тоддов за выкинутых кораблекрушением на Малабарский берег не то бретонских, не то нормандских крестоносцев. В горах кавказских нашлись же крестоносцы, признанные в хевсурах и тушинах: так почему же им не быть и в горах малабарских? В первое время эта мысль улыбнулась многим.

К сожалению, выяснилось очень скоро одно обстоятельство, которое уничтожило разом такое поэтическое предположение: у тоддов нет не только на их языке, но нет даже и в мыслях таких слов, как *Бог, крест, молитва, религия, грех*, или какого-либо подобного выражения, напоминающего даже просто монотеизм и деизм, не говоря уже о христианстве. Тоддов нельзя назвать даже язычниками, потому что они не поклоняются никому и ничему, кроме собственных буйволов, именно только *собственных*, так как буйволы чужие, других племен, не пользуются никаким от них почетом. Одно молоко с прибавлением ягод и плодов из *их* лесов составляют их единственную пищу. Но они скорее умрут с голоду, нежели дотронутся до молока, сыра или масла от *других* буйволиц, кроме их собственных *священных* кормилиц. Они никогда не едят мяса, как не сеют и не жнут, считая всякую работу, кроме доения буйволиц и ухаживанья за стадами, чем-то вроде бесчестия.

Один такой образ жизни достаточно показывает, что между крестоносцами Средних веков и тоддами очень мало общего. К тому же, как не раз сказано, они не умеют владеть оружием и никогда не проливают крови, чувствуя к ней нечто вроде священного ужаса. Кавказские горцы на северо-востоке от Тифлиса, как пшавы и хевсуры, так и тушины, сохранили у себя много средневекового оружия и утвари; у них немало и христианских обычаев⁶⁷. А у тоддов не найдется не только средневекового, но и простого современного ножа. Все это, в связи с главным вышеупомянутым фактом, что у тоддов нет ни малейшего представления о божестве, делает теорию Лешено-де-ла-Тура уж совсем неподходящею...

Затем пошла в ход хотя и давно избитая, но излюбленная и многоспасительная в таких случаях теория о кельто-скифах. Но и эта по своему обыкновению скоро провалилась. Когда тодд умирает, его сожигают с разными любопытными обрядами вместе с любимым буйволом, а в том случае, когда покойник был «священнодействующим», приносится в жертву от семи до семнадцати голов этих животных. Но буйволы все-таки не лошади, а тип лица тоддов – совершенно европейский, сильно напоминающий уроженца Южной Италии или Франции, – довольно трудно согласовать с типом скифа, насколько мы о нем знаем. Лешено-де-ла-Тур сильно боролся с препятствиями, но как только его осмеяли, он тотчас же бросил свою теорию. Гипотеза же о скифах, невзирая на всю нелепость предположения, держится и до сей поры.

Потом явилась на сцену вечно побиваемая и вновь оживающая теория о десяти «потерянных племенах Израиля». Миссионер-немец Метц с помощью некоторых своих собратий из англичан, одаренных одинаковым с ним пламенным воображением, принялись разрабатывать эту теорию с восторгом. Но в опровержение этой фантазии достаточно повторить уже неоднократно сказанное выше, что у тоддов никогда не было и тени *никакого* Бога, тем менее Бога Израиля.

Тридцать три года жил с тоддами и бился с ними бедный благочестивый немец. Он жил их каждодневной жизнью, перекочевывая с ними с места на место⁶⁸; мылся раз в год, питался одною

⁶⁵ Жан Батист Лешено де ла Тур (1773–1826) – французский ботаник и орнитолог.

⁶⁶ Часть этих писем печаталась от 17 июня 1820 года до 15 декабря 1821 года в *Мадрасской газете*. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

⁶⁷ К тому же эти горцы доказывают свое немецкое происхождение уже тем, что варят пиво и делают колбасы. Да и милиция, поставленная ими во время войны, была одета в панцири и кольчуги, в шишаки с забралами и явилась даже с *крестами* на правом плече. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

⁶⁸ Хотя тодды народ не кочевой и живут в домах, однако, выбирая для своих буйволов лучшие пастбища, они часто переходят из одного поселка в другой. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

молочную пищу, наконец, растолстел и получил водянку. Он привязался к ним всеми силами своей любящей, честной души; и хотя не окрестил ни одного тодда, но хвалился, что научился превосходно их языку и познакомил три поколения тоддов с религией Христа. Но когда навели справки, то оказалось не совсем так.

Во-первых, узнали, что Метц не знал ни полслова на их языке. Тодды выучили его канарез[с]кому диалекту, на котором они сами говорят с баддагами и женщинами своего племени. Но из того таинственного языка, на коем рассуждают их старшины, когда держат совет, и который употребляется ими во время их неведомых обрядов в *тирьери*⁶⁹, Метц не понимал ни одного звука. Этого языка не понимают женщины тоддов, или им, может быть, запрещено говорить на нем. Что же касается христианского просвещения тоддов, то привезенный в Утти больным и почти умирающим бедный Метц признался очень откровенно, что в эти тридцать три года общего с ними сожительства ему не удалось окрестить ни одного тодды, ни взрослого, ни ребенка. Впрочем, он все-таки надеялся, что «посеял в них семена будущего образования».

Но и в этом ему предстояло разочарование. Прибывшие на холмы с западного Малабарского берега отцы-иезуиты, питавшие в свою очередь надежду признать в тоддах колонию древних сирийских христиан или, по крайней мере, манихеев⁷⁰, очень долго навели справки. С обычной им хитростью и ловкостью они успели войти в сношения с тоддами. Они вкрасились, если не в доверие, то в хорошее знакомство с этими обыкновенно молчаливыми, серьезными дикарями и успели узнать от них, к великой своей радости, – потому что они ненавидят протестантов еще более, нежели язычников, – что Метц мог бы прожить с ними целые века в теснейшей дружбе и все-таки не произвести на них ни малейшего впечатления.

«Слова белого человека то же, что говор *майны* (род говорящей птицы) или трещание языка обезьяны», – говорили старые тодды иезуитам, не замечавшим в припадке коварной радости обоюдоострого комплимента. «Мы слушаем и смеемся. На что нам ваши *дивы*, когда у нас есть наши великие буйволы?» – добавляли они, рассказывая, как Метц предлагал им взамен веры в буйволов – веру в религию тех, которые отымали у них их пастбища и обижали их ежедневно⁷¹.

Несмотря на одинаковую с Метцем участь, последователи Лойолы⁷² подняли честного немца на смех, распуская про него анекдоты по всей южной Индии. Мы знаем и даже можем указать таких иезуитов, которые скорее, нежели допустить туземца перейти в протестантство, укрепляют его всеми силами в его вере, в чертопоклонстве.

Это было лет десять тому назад. С тех пор миссионеры обеих религий оставили тоддов в покое. Теперь уже давно решено, что всякая попытка к их обращению оказалась бы только потерей времени. Невзирая на такое полное отсутствие в этом племени всякого религиозного чувства, по единодушному показанию писателей и всех жителей Утти, нет во всей Индии народа честнее, нравственнее, добрее тоддов. Эта горсть патриархальных дикарей без роду и племени, без истории, как и без малейшего (по крайней мере, *видимого*) признака веры во что-либо священное, кроме грязных буйволов, пленяет каждого своею совершенно детскою невинностью. Вместе с тем, тодды не только далеко не глупый народ, что доказывает их удивительная способность говорить на многих языках и умение скрывать свой собственный, но и весьма понятливы. Сэлливан

⁶⁹ Священное и весьма строго охраняемое ими жилище, иногда подземное, за буйволиным хлебом, *тирьери* есть храм, посвященный совершенно неизвестному никому, кроме тоддов, культу. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁷⁰ Одно время отцы-иезуиты пытались доказать, что тодды, как древние манихеевцы, поклоняются «свету», солнечному, лунному и даже огню простой лампы. Но это, во-первых, вовсе не доказывает их манихейства, а во-вторых, и неправда. Тодды смеялись над этою идеей в разговоре с мистрисс Морганом и мною. У них, напротив, отвращение к свету луны. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

«Манихеи (лат.). Секта третьего столетия, которая верила в два вечных принципа добра и зла, первый одарил человечество душами, а последний – телами. Эта секта была основана неким полухристианским мистиком Мани, который выдавал себя за ожидаемого “Утешителя”, Мессию и Христа. Много столетий спустя, когда эта секта уже не существовала, возникло Братство, называвшее себя “манихеями”, – масонского типа с несколькими степенями посвящения. Их идеи были каббалистическими; но были неправильно поняты» (*Блаватская Е.П. Теософский словарь. М., 1998. С. 247–248.*)

⁷¹ *Oeuvres et travaux des missionnaires Pères Jésuites sur les côtes du Malabar* «Дела и труды иезуитских миссионеров на Малабарском побережье» (стр. 233). – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁷² Игнатий де Лойола (1491–1556) – католический святой, основатель Общества Иисуса (ордена иезуитов).

упоминает в своих *Записках*, что он разговаривал с ними по целым часам и что ему оставалось только разводиться руками в глубоком удивлении, слыша, как они отзывались об англичанах, «как верно и разом они поняли наш национальный характер и подметили все наши недостатки».

Познакомив читателя с тоддами в общих чертах, рассказав о них все или почти все, что известно о них в Индии, я могу приступить к рассказу о своих собственных приключениях и наблюдениях среди этого так мало известного и загадочного племени.